

Глава 2

ПОСЛЕ

Собака зевнула.
Бесшумно, только немного скрипнули челюстные
мышцы и зубы стукнулись друг о друга.

Собака зевнула.

— Хочет кушать, — сказала мать. — Собака хочет кушать.

Мать открыла холодильник и стала изучать содержимое.
Колбаса, ветчина, карпаччо, заливное, балык, сало. Выбрала
сало, домашнее, из Белоруссии, с укропом, с дымком.

Собака облизнулась.

— Хочет сала, любит сало, — приговаривала мать. — Хорошая собака...

— Сало собакам нельзя, — сказал я.

— Почему это? — спросила мать. — С какой стати?

— Желудок расстроится. Точно, я передачу видел. Собак
салом нельзя кормить.

Мать вернула сало на полку.

Собака вздохнула.

— Она печенье любит, — сказала Алька.

— Печенье собаке тоже не еда, — заметила мать. — Ты
посмотри, какая она тощая. Ей не печенье твое нужно, ей

нужно сбалансированное питание. Завтра я поеду в магазин и куплю собачьей еды.

— Она печенье любит...

Алька подмигнула мне.

Точно, любит. С утра слопала упаковку овсяного печенья, только треск стоял, только крошки летели. А потом еще лук. В своей комнате на подоконнике Алька выращивала лук. С познавательными целями. Брала луковичку, опускала ее в банку с водой, через неделю из луковички выползали стрелки, Алька радовалась. Весь подоконник в луке. А желуди не растут. Печенье раззадорило аппетит собаки, и она съела еще и лук. И стрелки, и луковички, доставала из банки и жевала, в два укуса, пять минут — и десять луковиц нет.

И еще водички из банок попила.

Впрочем, Алька не огорчилась, наоборот, сказала, что еще лука посадит, был бы аппетит.

— Завтра я куплю собачьей еды, — повторила мать. — А сейчас мы покормим ее мясом. У нас тут... Вот.

Мать достала итальянскую колбасу, понюхала. Сверилась со сроком годности — мать опасается просроченной продукции, — убедилась, что есть можно.

— Ты еще икру достань, — посоветовал я.

— Если надо, достану. И икру, и микру, и вообще... И вообще, животное нуждается в питании. Это вы неделю можете не жрать, а оно должно регулярно...

Дверь скрипнула, и показался Мелкий. Отчего-то ползком. Хотя он ползком неплохо умеет, шустро так шпарит, как сверчок, раз-раз — и прибыл.

Мелкий сел возле стены. Собака повернулась к нему.

Все замерли. Мать холодильник не закрыла.

— Ой, — сказала Алька.

Я тоже испугался. Как-то про Мелкого мы совсем забыли, а он, между тем, уже уверенно освоил дом, умудрялся выбираться даже на второй этаж, и застревал под диваном, и бесчисленное количество раз просто терялся, а один раз чуть не проглотил зажигалку.

Мелкий с независимым видом оглядел столовую. Мать сделала призывное лицо, но Мелкий на ней и не задержался, направился напрямик к собаке, по привычке удерживая равновесие с помощью собственных ушей. Держась за них то есть.

Он шагал, у меня в ушах возник хруст разрываемых сухожилий и щелканье челюстей. Кинуться, подхватить Мелкого на руки, забросить на буфет, но я замер, опасаясь сделать лишнее движение.

Мы все как-то замерли.

Мелкий приблизился к собаке. Он был чуть выше ее ростом, розовый двухгодовалый шпингалет, гладкий, мягкий, абсолютно беззащитный, в испачканном кашей синем комбинезоне с мишками. Мелкий отпустил собственные уши, протянул руки и взял за уши собаку. В голове у меня промелькнула жуткая картина — вот сейчас она одним движением, как тогда, в поселке...

Собака лизнула Мелкого в подбородок. Он отпустил ее уши, достал из кармана комбинезона железную модельку джипа и принялся катать ее по голове и по спине собаки. Гудя и рыча так громко, как джип никогда не гудит и не рычит. Собака косилась, чуть поворачивая морду, пошевеливая обрывками ушей, помахивая огрызком хвоста.

Мать выдохнула, потеряла лоб колбасой. Растерянно.

— Подружились, — улыбнулась Алька.

Мелкий тем временем перешел джипом с собачьей спины на батарею, гудя, гремя и булькая губами, добрался по стене до стола, где мать поймала его и посадила в детский стульчик-столик. Мелкий привычно возмутился, завыл и задрогал ногами, мать с досадой плюнула и выпустила его обратно пасть на пол. Мелкий загудел и повис на собаке. В прямом смысле повис — обхватил за шею руками, вцепился, повис.

Собака перенесла это вполне спокойно.

Заглянул отец. Он был мрачен, даже не мрачен, а зол. Такое редко бывает. Но бывает.

— Как настроение? — спросил отец довольно жизнерадостно, сумел взять себя в руки.

Это он как бы у всех спросил, но на самом деле только у Альки. Только у нее.

— Нормально, — ответила Алька. — А что?

— Да ничего, просто...

Мелкий свалился с собаки. Несколько секунд полежал на полу, затем неожиданно устремился прочь из кухни. Ползком. Он часто вот так отлучается, но в этот раз он отлучился со слишком уж хитрым лицом. Мать выразительно посмотрела на Альку.

— А почему все время я? — спросила она. — У меня голова болит, и вообще. Пусть Гоша.

У меня теперь выбора нет, я теперь со всем соглашаюсь.

— Ладно уж, — смиловилась Алька. — Так и быть. Вам надо поговорить.

При слове «поговорить» Алька издевательски выпучила глаза.

И Мелкого ловить отправилась.

— Ну? — спросила мать у отца.

— А что — ну? Не нашли, конечно. И капитан сказал, что вряд ли найдут.

— Это почему?

Мать стала злобно похлопывать колбасой по столу. У собаки текли слюни. Сильно так, на полу быстро набиралась лужица.

— Почему? — повторила мать сердито. — Почему это они не найдут? Я буду звонить...

Ей тяжело сейчас. Она переживает. Ведь всё могло...

— Я ему тоже это сказал. А капитан ответил, что я могу звонить куда угодно, только не дозвонюсь. Да не стучи ты!

Отец отобрал у матери колбасу, нервно откусил и стал жевать.

Он тоже нервничает.

— Эти люди не ходят в больницы, — сказал отец. — У них нет документов. Они не будут жаловаться. Они как... инопланетяне. И, скорее всего, они уже убрались отсюда. Не найти.

Отец откусил еще колбасы.

— А поселок? — спросила мать.

Лужа слюны стала больше.

— В поселке никого. — Отец с удивлением поглядел на колбасу в своей руке, вздохнул, швырнул колбасу собаке.

Та разгрызла ее в три укуса, затем принялась быстро и неаккуратно есть.

— Я это так, конечно, не оставлю, — сказал отец. — Я дойду... До кого надо. А если они не примут меры...

— Не вздумай, — резко сказала мать. — И не вздумай.

— Но этого нельзя так оставлять, — возразил отец. — Они могут на кого угодно напасть, Игорь говорит, что там до деревни недалеко...

— Я не говорю, что надо сидеть сложа руки. Надо действовать. Но по-другому. Я поговорю со своими, я обращение выложу, по френдам... Но ты не вздумай.

В голосе у матери вдруг прозвенела истерика, собака оторвалась от колбасы и повернула в сторону матери засалившуюся морду.

— Ладно, — тихо сказал отец. — Ладно. Но я все равно...

— Нет! — выкрикнула мать. — Не смей.

Сейф в кабинете отца. А в нем гладкоствольный полуавтомат «Вепрь», и нарезной полуавтомат «Сайга», и патроны в разноцветных пачках. Стрелковый клуб. Кремлевский гарнизон. Отличник боевой и политической подготовки, так под фотографией и написано. До сих пор берет двухпудовую гирю и держит ее на вытянутой руке, а пудовой может перекреститься.

— Кого ты хочешь наказать?! Кого?!.

— Ладно, — примирительно сказал отец. — Позвоню Лернеру, пусть группу пошлет. Должны же они хоть что-то делать, не все им кирпичи об голову ломать.

— Позвони-позвони, — посоветовала мать. — А сам не смей.

— Позвоню...

Вернулась Алька. Она волокла за руку Мелкого, Мелкий сопротивлялся. Алька сунула его в руки матери.

— Так как у тебя дела? — Отец снова поглядел на Альку. Опять очень осторожно.

— Да нормально, — ответила она.

— Что с доктором? — спросил отец. — Ты подумала?

— А что с доктором? С доктором все отлично. Мне стало гораздо легче. Доктор просто Айболит.

— В каком смысле Айболит? — спросил отец.

— Он же ветеринар по образованию, — сообщила Алька.

— Кто ветеринар?

Отец и мать переглянулись.

— Ну, доктор. Этот... ментальный костоправ. Он мне сам рассказал.

Я тоже ничего не понимал, но мне переглянуться было не с кем. Мать и отец собирались сводить Альку к психотерапевту, но я не знал, что он сам к нам уже ходит. Хотя это похоже на родителей.

— Он сам рассказал.

— Что рассказал? — отец почесал голову.

— Что закончил Тамбовский ветеринарный институт. По специализации «Стоматология крупного рогатого скота». Но это совсем не приносило доходов, вот он и перекалифицировался в психолога.

Отец и мать снова переглянулись. У матери дернулась щека.

— Да нет, шучу, он какие-то курсы по интернету вроде закончил... — продолжала Алька. — Дистанционное образование, все такое...

Я хихикнул. Мне кажется, она, как всегда, врала, психолог из ветеринарного техникума, как же. Но, похоже, родители уже совсем утратили чувство юмора, все родители рано или поздно его теряют.

— Он, кстати, еще пиявками лечит. Может, и пиявок закажем, а? — спросила Алька.

— Пиявок... — Мать растерянно огляделась. — Давай в следующий раз? Нет, если ты хочешь, мы закажем...

Алька хихикнула, представив себя с пиявками.

— Аглая, мы всерьез обеспокоены, — сказала мать. — То, что случилось с тобой...

— Да ничего не случилось! — перебила Алька. — Ничего такого ужасного.

— Но ведь травма...

— Нет у меня никакой травмы! — рявкнула Алька.

Отец еще раз поглядел на меня с пронзительностью, ну да, я виноват, виноват, что мне теперь — об стену каждый день убиваться?

— Да нет у меня никакой травмы, — уже спокойнее повторила Алька. — Я даже испугаться толком не успела, какая травма? Зря вы и доктора вызвали, на самом деле — зря... Ну да ладно, он прикольный.

Это она, конечно, врет. Испугалась. И я испугался. Тут любой бы испугался. Но мне кажется — дело несколько в другом. Алька не то чтобы не испугалась, она просто не поверила. Это было слишком... неправдоподобно. Это совсем не состыковывалось с нашим миром, с нашей привычной жизнью, мы шли, мы шли себе, шли и вдруг немного шагнули в сторону и зацепили *другое*. Совсем другое. На заброшенной дачной улице мы встретили... пришельцев, наверное, отец правильно сказал. Злых, голодных нелюдей с Альфы Центавра.

Центавров.

Это были не люди, это были плохие инопланетяне. Напали, схватили... А инопланетян не бывает. Ктулху бывает, а инопланетяне нет.

— Ладно, об этом мы после поговорим, — сказала мать. — Это такое дело, тут не стоит торопиться...

Алька прищелкнула языком. Позитивный она человек, завидую ей. Инопланетян не бывает. Никогда.

— А ты... Ты...

Отец повернулся ко мне. Сощурился.

— Да знаю я, — опередил я. — Дурак. Кретин. Идиот. В моем возрасте можно уже начать думать.

— Вот именно, — покивал головой отец. — Пора уже начать думать.

Он потрепал за щеку Мелкого и вышел. На работу ему, и так уже задержался.

— Надо все-таки определить собаке место, — сказала мать. — Кто знает, где надо держать собаку?

Мы пожали плечами.

— Пусть она у меня в комнате спит, — предложила Алька. — У батареи как раз.

— У батареи нельзя, — тут же возразила мать. — Она приучится жить в теплоте, а потом на улице будет болеть. Нужно у стены. А почему она должна спать у тебя в комнате? Ты что, боишься одна оставаться?

— Да не боюсь я одна, — устало объяснила Алька. — Не боюсь. Чего мне здесь бояться? Просто собака... мне нравится. Мне с ней рядом хорошо, мне с ней... надежно. Она урчит, а я засыпаю. А потом, от нее пахнет хорошо.

— От собаки? — удивилась мать.

— Ага. Валенками. С ней уютно очень, хорошо. Пусть она у меня в старом кресле спит, оно все равно...

— Собаке в кресле нельзя, — запретила мать. — От этого кресла у нее будет искривление позвоночника.

Она всегда. Всегда знает, отчего у кого бывает искривление. Алька говорит, что это у матери от филфака, там все всё знают.

— Я сама в нем спала, — заметила Алька.

— И резульгат налицо, — обреченно вздохнула мать. — С вами все понятно — никто не представляет, как правильно содержать животное. Всегда подозревала, что мои

дети — бестолковые. Придется все самой, как обычно. Хотела завтра идти по магазинам, но, значит, придется сейчас. Почему ничего нельзя отложить на завтра? Почему все нужно сделать сегодня? Даже у собаки есть жизнь! У меня этой жизни совсем нету.

Мать посмотрела на полку с травами. Очевидно, ей хотелось чая и компресс на затылок. Но дело прежде всего.

— Так, даю вам пятнадцать минут на сборы, — сказала мать. — Через пятнадцать минут чтоб были готовы. Без вопросов.

Мать удалилась с Мелким под мышкой. Алька удалилась. Собака тоже подумала чуть и удалилась. А мне готовиться нечего, я и так всегда готов. Вышел во двор.

У нас хорошо. Участок уходит к реке под небольшим уклоном, и на всем этом уклоне мать высадила кедры, они дают полезные фитонциды. Молоденькие кедры, невысокие, но очень красивые, привезенные из Сибири. Рассажены далеко друг от друга, отчего создается ощущение простора, прямо с крыльца попадаешь в лес. А чуть подальше — и настоящий лес, и река, и поле, хорошо. Ветер иногда пахнет травой, или водой, или грибами. Летом, когда тепло, я в нашем парке даже ночью. В гамаке. У нас есть фонарь; если его включить, то скоро прилетают летучие мыши, носятся вокруг света, пищат ультразвуком и пожирают комаров.

— Игорьь.

Я оглянулся.

Отец, оказывается, не уехал, сидел в машине. Поманил меня пальцем.

Я открыл дверцу, сел рядом. Внутри было холодно, кондиционер работал на полную, стужа, у меня даже нос зачесался. Отец сидел, читал пособие по нахлыстовой ловле.

— И что ты такой бестолковый? — спросил отец, не отрываясь от разглядывания картинок.

Это был не риторический вопрос, это ему на самом деле интересно. Я промолчал.

— Надеюсь, этого не повторится?

Я опять промолчал. Я и так каждый день обещаю, что не повторится.

— Понятно, — сказал отец. — Что думаешь летом делать?

— Не знаю.

— Не знаешь. Подумал бы. Последнее лето, между прочим.

Это да, про это я еще с сентября слышу. Что предпоследний год, что последнее лето, а потом раз — и взрослая жизнь, и уже всё, и нет пути назад. Ну да, предпоследний год, ну да, последнее лето. И что? Срочно искать смысл жизни?

— Так что ты думаешь делать?

Это тоже вопрос не риторический. Тоже промолчал.

— Насчет политехнического думал? — спросил отец.

— Думал.

Я на самом деле думал. Политехнический — это хорошо. А самое главное — я туда вполне поступлю, там вроде не сложно.

— Политехнический — это хорошо.

— А медицинский? Не хочешь попробовать?

— Медицинский тоже хорошо.

— Хорошо... А тебе самому-то что хочется?

Самый частый вопрос в моей жизни.

— Политехнический ничего...

Политехнический лучше медицинского. Наверное.

— Понятно, — поморщился отец. — На западном фронте без перемен. Ладно, думай.

— Я думаю.
— Думает он... Что с собакой решили?
— Хорошая собака.
— Хорошая собака, — согласился отец. — И очень серьезная собака, она требует ответственности, ты хоть понимаешь?
— Я буду с ней гулять.
— Гулять он будет... У тебя рыбки в аквариуме засохли.
— Буду гулять, — сказал я упрямо. — Буду.
— Ладно. Поглядим.
Отец достал из бардачка эвкалиптовые леденцы, похрустел.

— Конечно, стоило тебе по шее настучать за такое, — сказал он негромко. — Но поздно уже. Все могло ведь закончиться совсем по-другому. Ты представляешь, *насколько* по-другому? Это ты хоть понимаешь?

— Понимаю, — кивнул я.

— Конечно, Аделина тоже виновата. У нее-то мозги должны быть, взрослая вроде уже. Но с ней сейчас бесполезно говорить, она вся в облаках... Слава богу, эта псина подросла. Как ее зовут, кстати?

— Не знаю. Собака...

— Сам ты собака... Ты за ней ничего не замечал? — спросил отец осторожно.

— За кем? — не понял я.

— За Алей.

— Не знаю. Нет вроде. А чего?

— Ты это... — Отец стал вдруг смотреть в сторону. — Если вдруг чего... Ты не очень удивляйся. Не подавай виду.

— В каком смысле? — снова не понял я.

— У нее сильный испуг. В таком состоянии сознание включает защитные механизмы, они могут по-разному...

Отец замолчал на секунду.

— Ладно, мне пора на работу, а ты думай, — сказал он.

Отец открыл дверь и вытолкнул меня из машины. Постоял, погасовал немного и укатил, оставив меня возле гаража.

Вообще, я не знаю, как к этому относиться. К тому, что произошло. Честно, не знаю. Пытался определить, так вот добросовестно пытался, сидел, думал — и не смог.

В жизни много разных событий, и к каждому из них я знал, как относиться.

Первая поездка на велосипеде. Не самая первая, а та, где я уже не падал набок, а нормально крутил педали. Радость. Я ее до сих пор помню.

Каникулы на Золотом Берегу. Тарзанка, уха с комарами, плотина, выстроенная поперек ручья, палатку чуть не затопили. Первый рассвет, который я увидел вживую. Дохлая лиса. Ощущение того, что мир огромен и красив, несмотря на дохлую лису.

Аня Крыкова, девочка, с которой я подружился в детском саду и с которой мы хоронили под акацией ее хомячка. Аня плакала, а я нет, я стоял рядом и ощущал себя взрослым, жестким и ответственным. Мужчиной.

Перелет в Иркутск — матери тогда приспичило отдохнуть на Байкале — и невыпуск шасси. И яростное предчувствие того, что все обойдется. Что обязательно, непременно все будет хорошо, что солнце, пробивающееся через иллюминаторы, не погаснет, я и сейчас могу прекрасно увидеть это солнце — достаточно закрыть глаза и чуть-чуть захотеть.

Я помнил эти случаи, и для каждого этого события в моей голове имелся соответствующий ярлычок, и мысли,

связанные с этими событиями, аккуратно лежали на нужных полочках.

А к тому, что произошло недавно...

Я не знал, что про это думать, как чувствовать и как с этим жить.

Единственное похожее ощущение, пожалуй...

В третьем классе Аделина меня связала и спрятала под диван. Что-то я ей тогда сделал неприятное, кажется, волосы склеил пластилином, и это перед самым Новым годом. Аделина пришла в бешенство и целый час гонялась за мной по всему дому. Я довольно успешно уворачивался, пока не зацепился за ковер. Аделина настигла меня и связала полотенцами, хотя я и сопротивлялся. Но Аделина оказалась мощнее, она тогда еще не диетилась и такая крепкошечная барышня была, уже лучница. А потом пришли ее подружки и учинили надо мной безобразия. Раскрасили своими помадами и тенями, обвешали бусами и сережками и сняли все это на видео.

И еще потом полгода шантажировали меня угрозой выкладки в сети, заставляли мыть посуду и пылесосить.

Я, конечно, на Аделину очень рассердился, поклялся страшно отомстить. А вот тогда, сразу...

Тогда, после того как Аделинины подружки раскрасили меня помадой и грозились выложить на ютубе, я тоже не знал и был растерян.

То, что случилось с нами в Горюнове, было, конечно, гораздо хуже, но ощущения примерно такие же.

Только сильнее.

— Эй, — Алька подергала меня за руку. — Эй, пойдем, мы решили в «Неомарт». Будем собачью упряжь искать.

— Какую еще упряжь... — не понял я.

И сразу понял, какую. Собака стояла рядом с Алькой и... На шее у нее болтался ошейник, связанный из пояса от банного халата. Нарядный такой получился ошейник, с розочками, очень такой собаке шел. В качестве поводка к этому ошейнику выступал шнур от декоративного звонка, золотистый и витой. Алька держала этот шнур в руках и всю старалась походить на собаковладелицу. Собака не сопротивлялась, вела себя как обычная собака на поводке.

— Надо купить поводок, ошейник и намордник, — сказала Алька. — Надо купить миску, подставку под миску, поилку, попонку...

Алька перечислила еще несколько аксессуаров, просто необходимых для счастливой собачьей жизни, включая особые автоматические гильотинки для обрезки ногтей. Я не стал сомневаться в необходимости всех этих предметов, я просто опасался, что эта поездка может растянуться на весь остаток дня. В «Неомарте» четыре больших зоомагазина и один небольшой зоосупермаркет. Бродить по ним и сравнивать чесалки и поилки мне совсем не хотелось.

На крыльце показалась мать с Мелким. На Мелком красовалась эластичная шлейка, на голове пробковый шлем, предохраняющий от ушибов, Мелкий сам походил на собаку, он то и дело натягивал поводок и пытался сорваться с цепи. Мелкий нас удивит, я это предчувствую. И мать, наверное, этого тоже опасается — держит его в строгом ошейнике уже сейчас.

— Намордника не хватает, — пошутил я. — Надо сразу два купить, один Мелкому, другой собаке. Мелкому нужней.

— Вот и подберешь.

И направилась к минивэну. Алька с собакой потянулись за ней.

— Нет, — остановила их мать. — Собака не поедет. Собака без намордника, а без намордника в «Неомарт» никого не пускают. Оставим ее дома.

Алька тоже не стала спорить. Конечно, ей нечего было опасаться материнского гнева, но Алька политик, если она не спорит сейчас, то, значит, собирается взять свое в другое время. Отвела собаку домой.

Мы поехали.

Мелкий был сегодня в ударе. Отстегивался от детского кресла, старался вырваться и громко кричал «а-а-а», так что первую часть пути нам с Алькой приходилось держать его за руки. Во второй части Мелкий коварно наделал в штаны. Мы ехали по трассе, остановиться было негде, поездка началась удачно. Впрочем, закончилась тоже. Но не будем.

Торговый центр «Неомарт», как любой уважающий себя торговый центр, располагался за городом. Кинотеатр, магазины, фитнес, все в одном месте, и автостоянка большая. Мы сюда каждую субботу приезжаем. Мать забивает минивэн провизией на неделю, Мелкий лазает в джангл-гардене, Алька ходит в кино или гамбургеры жует, а я не знаю, что делать, брожу туда-сюда. В атриуме сижу с планшетом, смотрю, как другие такие же сидят в атриуме с планшетом. Нет, я от всего этого с удовольствием вообще отбрыкался бы, но суббота — семейный день, его принято проводить вместе. Лучше всего, конечно, отцу. Он или работает в этот день, или, если все-таки попадает в сети «Неомарта», сидит в «Подвале». Там пивные автоматы, бутерброды с засохшим сыром, «Синяя птица» играет, атмосфера семидесятых, ко-

роче, тухлое ретро и лиц моложе восемнадцати лет не пускают.

Сегодня мы прибыли в маркет со вполне определенными целями, мать сверилась с навигатором и сразу же отправилась в самый престижный зоомагазин, где продавали лучшие принадлежности для животных, самые натуральные корма, самую чистую воду. Там мать немедленно приступила к выбору. Велела принести лучшие поводки и лучшие ошейники, и чтобы только Европа, никакого Китая. Принесли. Ошейники и надувную собаку для примерки. И стали примерять. Разумеется, матери ничего не нравилось, все ошейники были не настолько лучшие, черт-те что, а не ошейники, дрянь, а не намордники...

Продавец терпеливо объяснял, что не дрянь, Алька поддакивала то матери, то продавцу, проснувшийся Мелкий отошел в сторону и прилип к огромному аквариуму с пираниями, почуял родственные души.

Мать относилась к делу выбора серьезно, каждый поводок проверяла на разрыв, крепила его к стояку и повисала всем весом, поводки держали, но мать все равно была недовольна.

Я не мог выносить это безумие дальше и мигнул Альке, чтобы она мне позвонила. Она позвонила, я ответил, сделал вид, что мне срочно нужно зайти к Громову — мы с ним вместе учимся — за новыми заданиями по летнему факультативу. Мать поглядела на меня с сомнением, но Алька подросла на помощь, сказала, что я тут только мешаю своим пыхтеньем и тупым видом, лично она не может вообще ходить по магазинам с мужчинами. Мать поглядела на меня с подозрением еще раз, но с Алькиными доводами согласилась, я сказал, что буду дома

к шести, и отвалил, пусть без меня ошейник со стразами выбирают.

Решил двинуть домой, а чем заняться, по пути придумать, может, спать лечь. Дома никого, тихо, как лягу, так и до вечера. Свежим воздухом дышать как-то не хочется после Горюнова. Нет, отец съездил в оружейный магазин, купил газовых баллончиков, электрошокеров и экстренных браслетов с GPS-модулями и паник-кнопками, и теперь у меня в карманах были и баллон, и шокер, но все равно особо гулять не хотелось. Нагулялся.

В атриуме, как всегда, скучали субботние лодыри, по причине майских праздников сидящие здесь и в будни. Лодыри сосредоточенно елозили пальцами по планшетах, пили кофе и шоколад из бумажных стаканчиков, жевали резиновые пирожки, никого вокруг не замечали. В центре, рядом с бассейном, клоун развлекал детсадовцев мыльными пузырями. Промодевушка завлекала народ попробовать свеженький смарт и тут же купить его со скидкой, я неудачно оказался у девушки на пути, и по ее решительным глазам понял, что не отвернуть, и приготовился выслушать ее многострадальное промо...

Но тут возник Громов.

Вот вспомнил Громова, а он и тут. Нет, в мыслях нужно быть осторожнее, мысли — опасные штуки. А уж вслух говорить...

Не знаю, откуда он взялся. Хотя знаю, конечно, Громов тоже планшетный лодырь и тоже любит посидеть в атриуме. Попить шоколад, пожевать пирожки, поглазеть на промодевушек. Потроллить промодевушек, это, кстати, легко, а иногда и весело, ну, поначалу, во всяком случае. Она тебе про планшет самозабвенно вещает, а ты ее про мясорубку

тупо в ответ спрашиваешь. Или интересуешься, допустим: «А на вашем смартфоне USB-хост или USB-клиент?» Таких тонкостей девушка, конечно, не знает, краснеет, плывет, а ты... то есть Громов, конечно, удовольствие испытывает.

— Привет, — сказал Громов, пряча в чехол мобильник. — Ты чего здесь?

— А ты чего? Вы же вроде бы на дачу переехали.

— Отбился. Слушай, камрад, пойдем на Кукуй, а? Там сегодня «Анаболики» выступают, у меня три флаера.

Громов извлек из рюкзака флаеры. Действительно, «Анаболик Бомберс». Они в прошлом году уже приезжали, ничего группа, веселая. На песне «Томатос Деспердатор» в солиста можно было кидать помидорами, их специально перед концертом продавали. Народ восхищался. Кстати, Алька «Анаболиков» тоже уважает, конечно, не так, как Blind Guardian, но все-таки. Правда, на концерты «Анаболиков» до четырнадцати лет не пускают, так что Альке еще подрасти чуток.

— А третий кто? — спросил я.

— Третьего найдем по пути, не беспокойся, камрад. И вообще, хорошо проведем время.

Насчет третьего я весьма опасался. Потому что у Громова имелись свои представления о том, как хорошо проводить время.

Мосье Громов, кажется, был неординарным человеком. Вроде как. Вокруг меня полно неординарных людей, так и роятся. Мать спасает мир и вообще, и в частности, папа вяжет мушек из щетины белого медведя, сестра Аглая пишет пьесу «Мой друг Ктулху», сестра Аделина стреляет из лука по кабанам, брат Мелкий... Мелкий еще себя

не проявил, но в нем тоже что-то есть, я в этом больше чем уверен. Он себе на уме, он думает в своем направлении.

А я вот нет. То есть я не определился.